

«КОМАРИНЫЙ ТЕКСТ» В СТИХОТВОРЕНИИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ «АВТОПАРОДИЯ НА НЕСУЩЕСТВУЮЩИЕ СТИХИ»

Г. А. Шпилевая, Е. А. Толчеева, Д. А. Скобелев

Воронежский государственный педагогический университет

Цзилиньский государственный педагогический университет (КНР)

Поступила в редакцию 30 апреля 2020 г.

Аннотация: в данной статье будут рассмотрены поэтологические особенности стихотворения Б. Ш. Окуджавы «Автопародия на несуществующие стихи». Для выдающегося писателя второй половины XX века, чья творческая энергия во многом была направлена на переакцентирование отношений между явлениями общими (социально-историческими) и частными (находящимися в сферах личной жизни человека), данное стихотворение с его энтомологическим кодом («комариный текст») стало значимым примером использования подтекста.

Ключевые слова: энтомологический код, композиция стихотворения, Б. Окуджава, литературная традиция.

Abstract: this article will consider the poetological features of the poem by B. Okudzhava «Autoparody of non-existent poems». For an outstanding writer of the XX century, whose creative energy was largely directed at re-focusing the relationship of General phenomena (socio-historical) and private (located in the spheres of personal life), this poem with its entomological code («mosquito text») became a significant example of the use of subtext.

Keywords: entomological code, composition of a poem, B. Okudzhava, literary tradition.

Нельзя не согласиться с тем, что Б. Окуджава создал «новую аудиторию» [1, 48], которая приняла и полюбила одну из главных черт поэтики этого писателя: умение «вставлять в одну рамку бесконечное число личных картинок, частных воспоминаний и произвольных ассоциаций» [2, 346]. Эта особенность творческой манеры отразилась и в стихотворении-песне «Автопародия на несуществующие стихи» (1982):

*Мы убили комара. Не в бою, не на охоте,
а в домашней обстановке, в будний вечер. Видит бог,
мы не крадучись его, а когда он был в полете...
Мы его предупреждали — он советом пренебрег.*

*Незадолго перед тем дождь пошел осенний, мелкий.
За стеной сосед бранился. Почему-то свет мигал.
Дребезжал трамвай.
В шкафу глухо звякали тарелки.
Диктор телевизионный катастрофами пугал.*

*Расхотелось говорить. Что-то вспомнилось дурное,
так, какая-то нелепость, горечи давнишний след...
В довершение ко всему меж окошком и стеною
вдруг возник, как дуновенье, комариный силуэт.*

Мы убили комара.

*Кто-то крикнул: «Нет покоя!
Неужели эта мерзость залетела со двора!..»*

Здесь село или Москва?..»

*И несметною толпою
навалились, смяли...
В общем, мы убили комара.*

*Мы убили комара. Он погиб в неравной схватке –
корень наших злоключений, наш нарушивший покой...
На ладони у меня он лежал, поджавши лапки,
по одежде — деревенский, по повадкам — городской.*

Мы убили комара.

*За окошком колкий, мелкий,
долгий дождичек осенний затануться обещал.
Дребезжал трамвай.*

*В шкафу глухо звякали тарелки.
Диктор телевизионный что-то мрачное вещал.
[3, 395–396].*

Как видно, наряду с теми «мы», которые уничтожили досаждающее и напоминающее о неприятностях («горечи давнишний след...») насекомое, в стихотворении равноправным объектом изображения стал сам комар, что корректирует «текст насекомых» отечественной и мировой литературы.

Этот текст обширен, и исследователи уделили ему должное внимание. Например, Н. И. Ильинская плодотворно рассмотрела «анакреонтический мотив цикады» [4, 52] в произведениях Дж. Китса и А. Тарковского, а также подтвердила мысль о том, что двойниками цикады являются кузнечик и сверчок, кото-

рые, в свою очередь, символически замещают творца, художника. А. А. Фаустов основательно изучил «текст стрекозы» в оде Г. Державина («На приобретение Крыма», 1784), в стихотворениях Ф. Тютчева («В душном воздухе молчанье...», 1835), А. Майкова («Звуки ночи», 1856), А. Блока («Комета», 1910), О. Мандельштама («Дайте Тютчеву стрекозу...», 1932), где ощущается «связь стрекоз с отсчетом времени» [5, 131].

Метаморфозы, аллегории и метафоры популярнейших произведений Ф. Кафки («Превращение», 1912), братьев Чапек («Из жизни насекомых», 1921), В. О. Пелевина («Жизнь насекомых», 1993) показывают, насколько злободневны темы «Насекомые-люди» и «Люди-насекомые», нашедшие отражение в многочисленных научных исследованиях, а также вдохновившие театральные деятели и кинорежиссеров на создание спектаклей и фильмов по мотивам указанных повести, пьесы и романа. Уподобляются люди насекомым и в стихотворении А. Пушкина «Мое собрание насекомых» (1829), и в «феерической комедии» В. Маяковского «Клоп» (1828), и в песне В. Высоцкого «Гербарий» (1976), где «текст насекомых» насыщен сатирой, социальными аллюзиями, а порой и рефлексией, горькой иронией, направленной автором на самого себя.

К энтомологическому коду в своем творчестве Б. Окуджава обращался неоднократно, например, писатель стихотворением «Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик?» (1985) еще раз напомнил, что «кузнечики — поэты» [6, 83] (хотя в поэме Я. П. Полонского «Кузнечик-музыкант» (1859) кузнечик приписывается и другой талант). Б. Окуджава, как известно, также поэтизировал муравья («Подумайте, простому муравью...»), и «московский муравей» стал ассоциироваться с самим автором — знаменитым бардом. Речь, прежде всего, идет о знаменитой «Песенке о московском муравье» (1958), хотя можно вспомнить и более раннюю «Песенку...» («Но я московский муравей, и нет покоя мне...» (1957), а также стихотворение с известной долей «мизантропии» [2, 346] — «Что нужно муравью, когда он голоден? / Две жирных тли. Паси, дурак, паси... / Не перечесть счастливых в нашем городе — / их много так, что Боже упаси!» (1958–1959).

Однако вернемся к «Автопародии на несуществующие стихи» и попытаемся выяснить, что нового внес Б. Окуджава в достаточно распространенный «комариный текст».

Прежде всего, отметим, что комар является одним из заметных образов в шуточных фольклорных песнях («Комара женить мы будем...», близкая к этой «Комара муха любила...» («Он лежит и еле дышит, ручкой-ножкой не колышет... Сдох»), «Комарики», «Я с комариком плясала», и пр.), где он часто фигурирует как жених мухи — другого популярного литературного персонажа. Эта «возлюбленная пара» перешла в детское произведение К. И. Чуковского «Муха-Цо-

котуха» (1923), в котором комар выступает в роли спасителя, срубающего голову пауку-погубителю.

В пушкинской «Сказке о царе Салтане...» (1831) комар (наряду со шмелем), как известно, также сыграл свою роль: справедливо наказал злодеев: «Чуду царь Салтан дивится, / А комар-то злится, злится — / И впился комар как раз / Тетке прямо в правый глаз. / Повариха побледнела, / Обмерла и окривела. / Слуги, сватья и сестра / С криком ловят комара. / «Распроклятая ты мошка! / Мы тебя!...» [7, 430]. Насекомые в данной сказке существуют в «поле оборотней», так как именно ими, в целях возмездия, вынужден стать человек — Гвидон.

Фигурирует комар (как неотъемлемая эмблема жаркого лета) в пушкинской «Осени» («Ох, лето красное! любил бы я тебя, / Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи») [8, 263], созданной в 1833 году. «Поющей» художественной деталью стал комар и в стихотворении А. Фета «Свеча нагорела. Портреты в тени» («Никак комара не прогонишь ты прочь, — / Поёт и к свету всё просится. / Взглянуть ты не смей на лунную ночь, / Куда душа переносится» [9, 99]), написанном в 1862 году. В данном случае комар едва не стал помехой свиданию.

В стихотворении В. Высоцкого «Ожидание длилось, а проводы были недолги...» (1973) комар становится повторяющимся тревожным образом, а в силу своей повторяемости он выполняет и композиционно значимые функции: «Вечный смертник — комар / разбивался у самого носа, / Превращая стекло / лобовое / в картину Дали. / Сколько смелых мазков / на причудливом мертвом покрове, / Сколько серых мозгов / и комарьих раздавленных плевр! / Вот взорвался один, / до отвала напившийся крови, / Ярко-красным пятном / завершая дорожный шедевр» [10, 62–63].

Б. Окуджава, как известно, посвятил свою «Автопародию...» своему другу, пародисту А. Иванову, создававшему шаржи на стихи барда. Поводом к посвящению и созданию произведения стало то, что А. Иванов, по мнению Б. Окуджавы, слишком его щадил, и пародии становились «комплиментарными». Поэтому решено было сделать «едкую» автопародию. А. Иванов, в свою очередь, создал «Антипародию на автопародию» (первая публикация — ноябрь 1983 г.), где в центре внимания — таракан: «Жил на свете таракан, был одет в атлас и замшу...»

Персонаж-таракан А. Иванова пополнил «тараканий текст» стихотворений И. Мятлева, Я. Полонского, Н. Олейникова, Саши Черного, С. Есенина, Я. Дягилевой, Б. Гребенщикова и многих других. В произведениях этих поэтов таракан выступает и как вполне реалистическая деталь быта, и как средство сатиры. В подтверждение последнего можно вспомнить пародийное (на «Фантастическую высказку» (1834) И. Мятлева, пародировавшего жанр элегии), гротесково окрашенное «произведение» капитана Лебядкина («Жил на свете таракан, / Таракан от детства...»)

в «Бесах» Ф. М. Достоевского. Напомним, что 4 стихотворения, «сочиненные» графоманом Игнатом Лебядкиным, стали стимулом для создания многих абсурдистских стихотворений (в том числе известных поэтов Серебряного века), а также побудили великого Д. Д. Шостаковича к написанию вокального произведения (в 1975 г.), выражающего реакцию композитора на абсурд жизни.

В «Автопародии на несуществующие стихи» Б. Окуджавы комар является центром лирического сюжета. По наблюдению Т. И. Сильман, композиция лирического произведения часто строится согласно сочетанию эмпирического, эмоционального и философского планов. Эмпирический дает возможность «договориться» с читателем о том, что всем известно («стихи вырастают на какой-то действительной, материальной основе» [11, 75]), эмоциональный — раскрывает отношение «концептированного автора» (термин Б. О. Кормана, обозначающий «автора как точку зрения») к объекту изображения, а философский — подведет итоги и выведет стихотворение на уровень обобщения.

По мысли исследователя, «стихотворение должно продемонстрировать нам, из какого источника произошла данная эмоция, данная мысль» [11, 75]. Эмпирика в рассматриваемом произведении Б. Окуджавы — всем известный комар (наряду с привычными телевизором, диктором, тарелками и пр.). Однако в данном случае интересно то, что комар из всех представленных конкретных данностей — одновременно и самый абстрактный: привычный, достигаемый, но... отчасти вне быта, неземной. Он «залетел» из неведомого мира и стал жертвой уставших и озлобленных людей. Эмоциональный тон произведения осуществляет суггестивное воздействие, а именно: навевает ощущение того, что «люди стихотворения» чувствуют свою вину перед «невинно убиенным» комаром, который «лежал, поджавши лапки, / по одежде — деревенский, по повадкам — городской...». Это будет центральный образ эмоционального пласта сюжетно-композиционной системы стихотворения.

Что касается философского обобщения, то в данном случае мы имеем дело с известной моделью — борьба с «неглавной опасностью» (А. Платонов) — психологически объясняемой: месть за все неудачи, направленная на самого маленького и слабого. Эта модель фигурирует как в бытовых ситуациях, так и в политических маркированных.

Как видно, перед нами «кольцо стихотворения» (В. М. Жирмунский), но не «с точными повторениями», а с *вариациями*, которые указывают на изменение, добавление, уточнение и расширение «словесного материала» [12, 508]. Неточное повторение влияет на само движение лирического сюжета, его ритм. Он убыстряется, так как в концовке (где «формулируется итог, поэтическое «открытие», ради которого, собственно, стихотворение было создано»

[11, 168]) кратко повторяются все те детали, которые были заявлены в предыдущих строках: трамвай, тарелки, шкаф. Лирическое «мы» пытается оправдать свою агрессию, но концовка указывает на готовность признать свою слабость и в конечном итоге — вину.

Субъектная сфера «Автопародии...» Б. Окуджавы заслуживает отдельного внимательного рассмотрения. Очевидно, что в данном лирическом произведении присутствует драматический элемент — перед нами «сценка» с определенными действующими лицами: «мы» (пребывающие в душевном неравновесии) и «безвинно пострадавший» комар. «Мы» *предупреждали* комара, то есть намечается на какие-то *доконфликтные* отношения, и пренебрежение «советом» в данном случае расширяет возможные границы конфликта, дает возможность читателю поставить себя на место той или другой стороны, представить саму суть столкновения. Действиями и эмоциями этих «мы» (куда входит и «я») Б. Окуджава показал свое «социальное понимание человека» [13, 127] — современника. В данном случае в очередной раз перед нами «мировоззрение, ставшее эмоцией» [14, 60], и драматическое напряжение раскрывает противоречие между *гуманностью* (теоретически существующей) и накопленной усталостью, раздражением, вылившимися в «чувство рокового бессилия» [14, 65].

Итак, рассмотренный «комариный текст» стихотворения Б. Окуджавы, безусловно, несет давно закрепленную за ним смысловую нагрузку, при этом дополняя, обновляя обширный энтомологический код словесного искусства. Б. Окуджава ввел в известную модель свою «систему ценностей», надстроив её «над ценностями, исконными, бесспорными и общезначательными» [13, 3], то есть уже установленными выдающимися предшественниками — поэтами XIX–XX веков.

Если ранее комар был победителем, освободителем, «докукой» (например, в «Осени» А. Пушкина и в упомянутом стихотворении А. Фета), то у Б. Окуджавы комар — жертва, на которую обрушился гнев уставших и обозленных людей.

Очевидно, что своим стихотворением поэт поддержал появление новой тенденции в описании отношений между «социальностью» и «интимностью» [13, 10]. Если традиционно они часто были противопоставлены друг другу, например, в лирике второй половины XIX века (Н. Некрасова, В. Курочкина, Н. Добролюбова) или первой половины XX века (В. Маяковского, С. Есенина), то в творчестве поэта второй половины XX века, Б. Окуджавы, подтекст взял на себя роль соединения этих двух явлений. «Катастрофы» (социальные, природные), которыми пугает «диктор телевизионный», брань соседей («за стеной»), Москва, «село», «буфет» соединились (вернее, сфокусировались), и данное драматическое напряжение выразило типичное состояние современного автору человека, не имеющего возможности громко («Во весь

голос...») заявить обо всем «дурном», заполнившим «интимное» и «социальное». В «комарином тексте» данного стихотворения трагикомически разрешается вечный конфликт между желаемым и действительным, скрытым и явным.

Отношения *интимного* и *социального*, конечно, существовали и переживались человеком всегда, но в поэзии отечественных бардов (в целом) и в творчестве Б. Окуджавы (в частности) в художественных образах выразились именно *сближение* и *переплетение* указанных данностей. Можно выразиться иначе: Б. Окуджава, как и другие поэты второй половины XX века, стал по-новому об этом говорить, и в очередной раз в поэзии произошла «не только субъектная трансформация», но и сопутствующий ей «переворот системы образов» [15, 25]. В результате между «боем», «катастрофами» и «домашней обстановкой» (со свойственным ей «покоем») сформировался обширный подтекст, столь полно характеризующий особенности общественных и частных сфер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылов А. Е. Мои воспоминания о Мастере, или Как я стал агентом КГБ / А. Е. Крылов. — М.: Булат, 2005. — 160 с.
2. Быков Д. Л. Булат Окуджава. 2-е изд., испр. / Д. Л. Быков. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 777 с.
3. Окуджава Б. Ш. «Автопародия на несуществующие стихи» / Б. Ш. Окуджава // Стихотворения. — СПб.: Академический проект, 2001. — 712 с.
4. Ильинская Н. И. Типология анакреонтического мотива цикады в поэзии Дж. Китса и А. Тарковского / Н. И. Ильинская // Вісник Дніпропетровського університету ім. А. Нобеля. Серія «Філологічні науки», 2012. № 1. — С. 52–58.
5. Фаустов А. А. Голос стрекозы в русской поэзии / А. А. Фаустов // Arbor mundi; Мировое древо, 2004. Вып. 11. — С. 130–146.
6. Бойко С. С. «О минуте возвышенной пробы...»: Поэзия Булата Окуджавы / С. С. Бойко. — М.: Кругъ, 2010. — 192 с.
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / А. С. Пушкин. — М. — Л.: Изд-во АН СССР. — 552 с.
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3 / А. С. Пушкин. — М. — Л.: Изд-во АН СССР. — 550 с.
9. Фет А. А. Стихотворения / А. А. Фет. — Л.: ГИХЛ, 1956. — 378 с.
10. Высоцкий В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / В. С. Высоцкий. — Екатеринбург: У-Фактория, 1997. — 540 с.
11. Сильман Т. И. Заметки о лирике / Т. И. Сильман. — Л.: Советский писатель, 1977. — 223 с.
12. Жирмунский В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский. — Л.: Советский писатель, 1975. — 664 с.
13. Корман Б. О. Лирика Некрасова. Изд. второе, переработанное и дополненное / Б. О. Корман. — Ижевск: Удмуртия, 1978. — 300 с.
14. Корман Б. О. Лирика и реализм / Б. О. Корман. — Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1986. — 96 с.
15. Шаулов С. С. Песня «Гербарий» и «насекомые» контексты русской литературы / С. С. Шаулов // В поисках Высоцкого. — Пятигорск, 2014. — № 13. — С. 18–32.

Воронежский государственный педагогический университет

Цилиньский государственный педагогический университет (КНР)

Шpileвая Г. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

Толчеева Е. А., студентка бакалавриата гуманитарного факультета ВГПУ

Цилиньский государственный педагогический университет (КНР)

Скобелев Д. А., кандидат филологических наук, преподаватель E-mail: E-mail: 19alex04@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University

Jilin State Pedagogical University (PRC)

Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Professor of the Chair of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature,

Tolcheeva E. A., Bachelor of Humanities Faculty

Jilin State Pedagogical University (PRC)

Skobelev D. A., Candidate of Philology, instructor

E-mail: 19alex04@mail.ru